

ФРЭНСИС БЕРНЕТТ

КАК СТАТЬ ЛЕДИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

ФРЭНСИС БЕРНЕТТ

КАК СТАТЬ ЛЕДИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б51

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского С. Селифоновой

Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

Компьютерный дизайн В. Воронина

Бернетт, Фрэнсис.
Б51 Как стать леди / Фрэнсис Бернетт ; [перевод с английского С. Селифоновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-161463-8

Эмили Фокс-Ситон родилась в знатной, но обедневшей семье. Она получила хорошее образование, но в Лондоне конца XIX века не так много возможностей его применить. Эмили вынуждена ютиться в тесной комнатухе и работать компаньонкой более успешных высокородных дам. О хорошей партии девушка не может и мечтать...

Однако ее работодательница, умная, эгоистичная и острая на язык леди Мария Бейн, неожиданно решает совершить благородный поступок и устроить личную жизнь Эмили. С этого момента открывается новая страница в жизни Эмили Фокс-Ситон — настоящей леди...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-161463-8

 Школа перевода В. Баканова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Мисс Фокс-Ситон вышла из омнибуса, аккуратно и изящно подобрав подол элегантной, скроенной по мерке юбки; она уже давно овладела искусством входить и выходить из дешевых омнибусов и шагать по грязным лондонским улицам. Женщина, которой нужно, чтобы ее одежда носилась два-три года, быстро учится защищать ее от брызг и поддерживать в порядке каждую складочку. За полдня Эмили Фокс-Ситон проделала долгий утомительный путь по городу и вернулась на Мортимер-стрит практически в таком же безупречном виде, в котором вышла из дома промозглым утром. Она уделяла много внимания своей одежде — особенно тому платью, которое верой и правдой служило ей уже целый год. Фасон юбок в очередной раз претерпел катастрофические изменения; когда Эмили проходила по Риджент-стрит и Бонд-стрит, то останавливалась у витрин магазинов с вывесками «Дамская одежда», засматриваясь на принаряженные и неес-

тественно худые манекены, и в ее больших карих глазах мелькало выражение тревоги. Она пыталась определить, где какие швы располагаются и где намечены складочки; есть ли складки вообще, или подол юбки безжалостно лишили всяких швов, отобрав у тех, кто не имеет и лишних полпенса, возможность решить проблему перешивки одежды по моде последнего сезона.

«Тут как будто бы обычная неокрашенная ткань, — бормотала она про себя, — у меня получится купить примерно ярд и подобрать по ширине, а значит, я смогу подшить клинышки у складок сзади, и заметно не будет».

Найдя удачное решение, Эмили просияла. Этой скромной и рассудительной девушке было нужно очень немного, чтобы наполнить светом хоть какую-то сторону своей жизни и заискриться милой детской улыбкой. Маленькая добрая услуга, оказанная любим другим человеком, чуть-чуть удовольствия или комфорта — и она уже светилась от сдержанной радости.

Итак, Эмили вышла из омнибуса, подобрав юбку из коричневой ткани, и бодро зашагала по грязи вдоль Мортимер-стрит в направлении своего пансиона, при этом ослепительно улыбаясь. Впрочем, детской можно было назвать не только ее улыбку; лицо в целом тоже казалось слишком детским для ее возраста и ро-

ста. Тридцатичетырехлетняя женщина отличалась крепким телосложением: широкие плечи, высокая тонкая талия и развитые бедра. Эмили следила за модой и решала проблемы благодаря потрясающей энергии и умению выходить из любого положения — приобретала одно приличное платье в год и носила его очень аккуратно, а старые перешивала настолько искусно, что всегда выглядела элегантно одетой. У нее было приятное свежее лицо, полные щеки, большие искренние глаза, густая копна пепельно-каштановых волос и короткий прямой носик. Эмили производила впечатление благодаря воспитанности и хорошим манерам, а искренний живой интерес к людям и умение получать удовольствие от всего на свете придавало ей вид скорее симпатичной девочки-переростка, чем взрослой женщины, жизнь которой представляла из себя постоянную борьбу с вечным недостатком средств.

Эмили принадлежала к знатному роду и получила лучшее образование, какое только возможно для женщины ее происхождения. Родственников у нее было немного, и никто из них не стремился взвалить на себя тяготы по содержанию бесприданницы. Эти люди из прекрасных семей были слишком заняты тем, чтобы устроить сыновей в армию или на флот и подыскать мужей дочерям. Когда умерла мать Эмили, а вместе с ней сгинула и ежегодная рента, ни-

кто из родственников не пожелал позаботиться о рослой и крепко сложенной девочке, а ее саму просто поставили перед фактом. В восемнадцать лет она начала работать помощницей учительницы в маленькой школе; на следующий год получила место няни и гувернантки; затем устроилась компаньонкой к сварливой пожилой даме из Нортумберленда, чтобы читать ей вслух. Дама проживала в деревне, и родня кружила над ней подобно стервятникам, ожидая ухода старухи в мир иной. Обстановка была достаточно мрачной и удручающей, чтобы повергнуть в уныние любую девушку, не обладавшую столь здоровым умом и практичным характером. Эмили Фокс-Ситон выносила испытания с неизменным оптимизмом, что в конце концов загло в груди ее патронессы проблеск человеческих чувств. В итоге, когда пожилая женщина умерла, а Эмили лишилась работы и крыши над головой, обнаружилось, что дама оставила ей в наследство несколько сотен фунтов и письмо, содержащее кое-какие, прямо скажем, категоричные советы.

Миссис Мейтем писала неразборчиво, слабеющей рукой:

Возвращайся в Лондон. Ты недостаточно расторопна, чтобы заниматься тем, что позволит заработать на жизнь, однако благодаря доброму характеру можешь оказаться полезной мно-

гим беспомощным особам, которые будут платить тебе за присмотр и выполнение поручений, с которыми они сами не в силах справиться, поскольку слишком ленивы или слишком глупы. Можешь устроиться в какой-нибудь второсортный журнал мод, отвечать на дурацкие вопросы насчет домашнего хозяйства — как выбрать обои или чем запудрить веснушки. Ты разбираешься в подобных вещах. Можешь записывать расходы, оплачивать счета и ходить за покупками для какой-нибудь ленивой дамочки. Ты практична, честна, умеешь подать себя. Я часто размышляла, что ты обладаешь именно теми заурядными талантами, которые масса заурядных обычных людей желали бы иметь в своем распоряжении. Возможно, моя бывшая прислуга, которая проживает на Мортимер-стрит, недорого сдаст тебе приличную комнату в память обо мне и примет с добром. У нее есть причины благодарить бывшую госпожу. Скажешь, что тебя прислала я, и она согласится на десять шиллингов в неделю.

Эмили расплакалась от чувства признательности, а впоследствии даже возвела миссис Мейтем на алтарь как величайшую и святую благодетельницу, хотя наследство — при том что она удачно его вложила — приносило всего двадцать фунтов в год.

— Какой *добрый* поступок с ее стороны, — шептала Эмили с восторженным придыханием. — Я и в *мечтах* не могла рассчитывать на подобную щедрость. Не могла ожидать даже намека на нечто подобное — даже *намека!*

У Эмили был свой способ выразить искренние эмоции, делая ударение на отдельных словах в знак нахлынувшего восторга или признательности; в письменной речи такие слова обычно выделяют курсивом.

Эмили вернулась в Лондон и обратилась к той самой женщине, бывшей прислуге миссис Мейтем. И действительно, у миссис Капп имелись причины с благодарностью вспоминать бывшую госпожу. В юности, когда любовь толкнула девушку на опрометчивый поступок, миссис Мейтем спасла ее от общественного порицания и позаботилась о ней.

Пожилая леди, которая в то время была энергичной и острой на язык женщиной среднего возраста, заставила горе-любовника жениться на своей отчаявшейся пассии, а когда вскоре после свадьбы он по пьянке утонул, помогла вдове обустроить меблированные комнаты; бизнес оказался прибыльным, обеспечив бывшей служанке с дочерью достойное содержание.

На втором этаже внушительного серого здания имелась маленькая комнатка; владелица пансиона взяла на себя труд обставить ее для протеже своей покойной госпожи. Помещение

превратилось в спальню и одновременно гостиную при помощи койки, которую Эмили купила сама и днем выдавала за диван посредством красно-синего покрывала из «Комо». Единственное окно выходило на темный тесный задний двор и покрытую копотью стену, которую облюбовали тощие коты — смирившись с судьбой, они печально взирали на мир. Важную роль в убранстве помещения играли ковры из «Комо». Один, обшитый понизу тесьмой, висел в дверном проеме в качестве портьеры; другой отделял укромный уголок, служивший мисс Фокс-Ситон гардеробной. Когда неунывающая и целеустремленная по природе девушка начала немного зарабатывать, она купила себе кенсингтонский коврик, ярко-красный, такой, который могли соткать только в Кенсингтоне, и накрыла стулья такой же ярко-красной хлопчатобумажной тканью, а по краю сидений пришила оборки. В дополнение к дешевым занавескам из белого муслина (что стоили у Робсона восемь шиллингов одиннадцать пенсов за пару) она повесила ярко-красные шторы. На одной из распродаж у «Либерти» Эмили купила дешевую диванную подушечку и несколько фарфоровых фигурок за два с половиной пенса, которые поставила на узкую каминную полку. А когда к ним добавились лакированный поднос и чайный набор, состоявший из единственной чашки, блюдца, тарелки и заварно-

го чайника, она почувствовала себя почти богатой. После того как Эмили проводила весь день в беготне по холодным сырým улицам, делая покупки для других людей или подыскивая им портниху или прислугу с хорошими рекомендациями, она с радостью предвкушала, как вернется в свою комнатку. К ее приходу миссис Капп всегда растапливала в маленьком камине яркий огонь; а когда в дополнение к пению пузатого черного чайничка на решетке загоралась лампа под самодельным абажуром из алой крафтовой бумаги, домашняя атмосфера казалась усталой и вымокшей женщине настоящей роскошью.

Миссис Капп и ее дочь Джейн были очень добры и внимательны к Эмили. Никому другому из своих жильцов они так не помогали. Эмили причиняла настолько мало беспокойства и настолько бурно радовалась любому проявлению внимания, что Каппы — а они порой бывали оскорблены и унижены остальными квартиросъемщиками, «представителями свободных профессий», — можно сказать, любили ее. Иногда «представители свободных профессий», дерзкие и самоуверенные леди и джентльмены, которые оказывали услуги на балах или играли небольшие роли в театрах, платили нерегулярно или съезжали, вообще не рассчитавшись; а вот мисс Фокс-Ситон вносила плату с регулярностью наступления субботне-

го вечера, хотя случалось, что удача отворачивалась от нее, и тогда Эмили предпочитала голодать всю неделю, чем потратить отложенные на арендную плату деньги на ланч в женском кафе.

В глубине души Каппы начали считать, что Эмили стала для них своего рода ценным приобретением; они очень этим гордились.казалось, она принесла в их убогие меблированные комнаты частицу большого мира — мира, принадлежащего тем, кто жил в Мэйфере и имел загородные дома, где устраивали вечеринки и приглашали гостей поохотиться и где существовали горничные, а также почтенные матроны, которые прохладным весенним утром сидели в своих экипажах на атласных подушках, украшенных тюлем и кружевами, в окружении колышущихся перьев, и трепетно ожидали часами, когда смогут наконец попасть в Букингемский дворец на прием. Миссис Капп знала, что Эмили Фокс-Ситон «белая кость» и что ее тетя носит титул; впрочем, ее светлость никогда не проявляла даже малейшего интереса к племяннице. Джейн Капп выписывала журнал «Современное общество» и время от времени с удовольствием зачитывала вслух своему молодому человеку статьи о различных мелких происшествиях, имевших место в каком-нибудь замке или поместье, где тетя мисс Фокс-Ситон, леди Мэлфри, проводила вре-

мя наряду с графами и фаворитами принца. Джейн также знала, что мисс Фокс-Ситон по случаю отправляет письма, адресованные «достопочтенной графине», и получает ответы с изображением короны на штемпеле. Однажды даже пришло письмо, украшенное земляничными листьями*, — это событие миссис Капп и Джейн обсудили с глубочайшим интересом, пока пили чай с горячими тостами и маслом.

Однако Эмили Фокс-Ситон была далека от того, чтобы публично заявлять о родстве со сливками общества. Со временем она достаточно привязалась к Каппам, чтобы свободно обсуждать с ними свои взаимоотношения с этими знатными людьми. Графиня услышала от подруги, что мисс Фокс-Ситон однажды подыскала той превосходную гувернантку, и поручила ей найти заслуживающую доверия горничную для молодой леди. Эмили выполняла иногда бумажную работу в благотворительном обществе, которое патронировала герцогиня. Фактически люди знали Также Эмили только как благовоспитанную женщину, которая за скромное вознаграждение могла оказаться чрезвычайно полезной в решении многих практических вопро-

* Эмблема в виде листьев земляники изображается на герцогской короне. — *Здесь и далее примеч. пер.*

сов. Эмили знала о них намного больше, чем они о ней, и, в знак признательности к тем, кто проявлял доброту, она порой с бесхитростным простодушием рассказывала миссис Капп или Джейн об их красоте и щедрости. Как и следовало ожидать, некоторые из покровителей все больше ее обожали, и поскольку Эмили была привлекательной молодой женщиной с идеальными манерами, они оказывали ей любезность и приглашали на чай или ланч либо предлагали сопровождать их в театр.

Она благодарила за приглашения с таким искренним восторгом, что заражала своей радостью и Каппов. Джейн Капп, которая немного разбиралась в пошиве одежды, с восторгом откликалась, когда ее звали обновить старое платье или помочь сшить новое по случаю какого-либо торжества. Каппы считали свою высокую и крепко сложенную квартирантку красавицей, и после того как помогали ей надеть вечерний наряд, обнажавший изящную белую шею и руки, и украсить толстые косы блестящими аксессуарами, а затем усаживали в четырехколесный экипаж, возвращались к себе на кухню, где обсуждали Эмили и удивлялись, почему джентльмены, желавшие видеть во главе стола представительную, стильно одетую женщину, не падали перед ней ниц и не бросали к ее ногам свое состояние.

— В фотоателье на Риджент-стрит выставлены портреты леди в диадемах, которые и наполовину не так красивы, — часто говаривала миссис Капп. — У нее приятный цвет лица, роскошные волосы и — если желаете знать *мое* мнение — такие чудесные глаза, как у истинной леди. А взгляните на фигуру — какая шея, какая талия! Такую шейку да украсить бы рядами жемчуга или бриллиантов! Она прирожденная леди в своих повседневных манерах; и если есть на свете милейшее создание, то это она! Я не знаю равных ей по доброте и сердечности.

У мисс Фокс-Ситон имелись покровители не только из аристократов, но и из среднего класса — а вернее, последние были более многочисленны, чем герцогини, — и, таким образом, она имела возможность оказывать Каппам разные добрые услуги. Джейн Капп неоднократно получала заказы на пошив одежды на Мейда-Вейл и в Блумсбери, а в столовой миссис Капп уже не один год обедал молодой человек, которого рекомендовала Эмили. Ее отзывчивая натура жаждала делиться добром с людьми. Она никогда не упускала шанс кому-либо чем-либо помочь.

Именно любезное предложение, сделанное одной из ценящих ее покровительниц, заставило Эмили так сиять от восторга, когда она этим утром шагала по грязным лужам. Безум-